

Священник Петр Андриевский

http://www.moskvam.ru/blessed_fire/08_2002/andriev2.htm

На пути литургического разрушения

Апология обновленчества прот. Н. Балашова

Прот. Николай Балашов. На пути к литургическому возрождению. М., 2001. 510 с.

«Дьявол славянского языка ненавидит», — писал Иоанн Вишенский, афонский подвижник, живший на рубеже XVI—XVII веков, обличитель латинства и ревностный сторонник воссоединения Западной и Восточной Руси. Ярким подтверждением слов Иоанна Вишенского является случай из недавнего прошлого нашей Церкви, когда безбожные гонители пытались стереть ее с лица Русской земли. В 1928 г. антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) рассматривала ходатайство обновленцев об издании молитвослова на русском языке (к этому времени Патриаршая Церковь не имела возможности издавать никаких богослужебных книг). В прениях по этому вопросу один из членов антирелигиозной комиссии, известный идеолог антирелигиозной пропаганды и гонитель Церкви Е. Ярославский (Губельман) заявил, что «не возражает против издания небольшого тиража молитвенника на русском языке», мотивируя тем, что «богослужение на русском языке теряет свою обаятельную мистику». Очевидно, что бесы в лице красных комиссаров, специализировавшихся по борьбе с Православием, прекрасно понимали мистическую силу языка церковнославянского, бегали ее и трепетали.

Известно, что в конце XIX — начале XX века в нашей Церкви поднялась реформаторская волна, призывавшая к обновлению церковной жизни. При этом церковные реформаторы ссылались на православный верующий народ, имевший якобы сильнейшую нужду в церковных преобразованиях. Спор между церковными традиционалистами и реформаторами разрешился довольно скоро. Революция в стране и последующие за ней события привели к появлению множества так называемых обновленческих храмов, в которых реформаторы получили возможность осуществить на практике все свои мечтания: замену славянского богослужебного языка русским, ревизию богослужебных текстов, устранение из храмов иконостаса, введение женатого епископата и второбрачия священства, чтение вслух тайных священнических молитв и многое другое. Очевидно, что если бы осуществленные обновленцами реформы были жизненно необходимы православным людям, о чем вещали реформаторы несколько десятков лет со страниц церковных изданий, то эти преобразования были бы приняты православными с радостью. Однако, вопреки ожиданиям обновленцев, православный народ не пошел в храмы своих мнимых «благодетелей». Обновленческие храмы были пусты, и эта пустота убедительнейшим образом свидетельствует о пустоте и безосновательности аргументов, полагавшихся обновленцами в основу их рассуждений. На самом деле православный верующий народ в своем подавляющем большинстве не нуждался, как и ныне не нуждается, ни в какой церковной и богослужебной реформе. Проблема реформирования церковной жизни, усиленно насаждавшаяся в предреволюционные годы ее апологетами, — проблема искусственная, рожденная и существовавшая только в головах иных интеллигентских мечтателей, зараженных церковной «маниловщиной». Крах обновленчества — это великий исторический урок всем, кто рождает и раздувает несуществующие в действительности проблемы, всем реформаторам, как прошлым, так и нынешним.

К сожалению, этот урок оказался не усвоенным некоторыми современными церковными обновленцами. Один из них — протоиерей Н. Балашов, автор книги «На пути к литургическому возрождению». В своей книге о. Николай пытается, правда, как бы отмежеваться от обновленцев, которых «опыты литургических реформ, большей частью бездарные, скороспелые и безвкусовые — справедливо были отвергнуты церковным народом» (с. 6–7). Сам же о. Балашов выступает якобы за «живое, творческое развитие богослужения и бережное, разумное упорядочение литургической практики». Но и обновленцы всегда выступали за живое и творческое развитие богослужения, и вызывает большое сомнение, что «литургические опыты» современных обновленцев в чем-либо превзойдут «опыты» обновленцев начала XX века. Скорее наоборот.

Хотя о. Балашов и отмежевывается от обновленцев, тем не менее уже самим наименованием своей книги солидаризируется с таким одиозным деятелем обновленчества, как епископ Антонин (Грановский), основавшим в 1923 году обновленческую организацию с претенциозным названием

«Союз церковного возрождения». Грановский утверждал тем самым, что Церковь переживает период упадка и разрушения, и литургические реформы должны были вновь оживить и возродить церковную жизнь. То же утверждение содержит само наименование своей книги о. Балашова: литургическая жизнь в Церкви в упадке, мертва и находится только на пути к возрождению. Очевидно, что на этот «путь к литургическому возрождению», согласно логике прот. Балашова, Церковь вывела только обновленческая писанина, и совершится литургическое возрождение вместе с осуществлением всех реформаторских начинаний. Эти начинания о. Балашов подробно излагает в виде полемики, развернувшейся в церковной печати в начале века, накануне Поместного Собора 1917–1918 гг. и на самом Соборе. Они касались всех сторон богослужебной и церковной жизни — от русификации богослужебного языка до ревизии самого богослужения и церковных таинств. При этом по каждому вопросу, подлежащему реформированию, будь то богослужебный язык или календарь, в книге приведены практически все аргументы обновленцев. Так что труд о. протоиерея можно назвать своеобразной энциклопедией обновленчества. Правда, для придания своему сочинению по апологетике обновленчества вида некоего научного исследования о. Балашов приводит по рассматриваемым вопросам и некоторые возражения оппонентов, однако не скрывает, что не разделяет их мнения. «Работая над этой книгой, — признается о. Балашов, — я не мог ощущать себя беспристрастным исследователем, преследующим чисто академические цели» (с. 12).

В своей апологии обновленчества прот. Балашов не стесняется приводить в качестве аргументов в защиту церковных реформ мнения откровенных обновленческих раскольников: архимандрита Спиридона (Кислякова), о. П. Кремлевского и др. Это и понятно. Так же как и прежние обновленцы, о. Балашов стремится как будто бы к «церковному возрождению», или, как он выражается, к «литургическому возрождению», и даже «к более «литургичной» литургии» (так о. протоиерей назвал одну из глав своей книги) (с. 378). Что же это такое — «более литургичная литургия»? Прот. Балашов вряд ли сможет сам это толком объяснить. Очевидно, что «более литургичная литургия» — словоблудие, подобное небезызвестной «экономной экономике». Многие помнят еще, что разрушение экономики в бывшем советском государстве произошло именно после воплощения в жизнь крылатого лозунга генсека тов. Л. И. Брежнева: «Экономика должна быть экономной».

Безусловно, что целью кропотливого труда прот. Балашова является разрушение традиционной богослужебной практики, однако аргументы его вряд ли могут показаться читателю убедительными. Так, в обоснование насущности обновленческих реформ о. Балашов ссылается на «Отзывы епархиальных архиереев», которые они дали в 1905 году на поставленные им вопросы по поводу возможного реформирования церковной жизни. Как справедливо замечает исследователь А. Кравецкий: «Отзывы занимают особое место среди источников по истории Русской Церкви..... При этом характер материала позволяет легко подобрать цитаты, подтверждающие любое произвольное утверждение автора. И сторонник идеи о революционной настроенности епископата, и придерживающийся мнения о его крайне консервативной позиции без труда аргументирует свою позицию цитатами из Отзывов»¹.

В небольшой статье невозможно подробно рассмотреть все аргументы обновленцев, дотошно собранные о. Балашовым, по всем выдуманым ими проблемам. Остановимся только на проблеме богослужебного языка. Русификация богослужения, очевидно, должна стать для обновленцев тараном в разрушении всего богослужебного и церковного строя. Вот почему призывы к переходу в богослужении на русский язык находят у обновленцев — как старых, так и нынешних — на первом плане. Причина же для такого перехода обновленцами видится лишь в одном: непонятность церковно-славянского языка, а отсюда — всего богослужения для молящихся, из-за чего прихожане якобы не участвуют в богослужении, а просто простаивают службу. В последние же годы, по мнению беспокойного о. Балашова, необходимость перехода на русский богослужебный язык сильно возросла. «Можно с уверенностью сказать, — пишет он, — что после 1988 года богослужебные проблемы приобрели для нашей Церкви еще большую значимость. Ведь именно за эти годы в Церковь влились массы новых членов. В связи с этим вопрос о богослужебном языке приобретает особую миссионерскую важность. Нельзя забывать, что среди молящихся в наших храмах теперь преобладают неофиты, у которых не было ни времени, ни возможности изучить церковнославянский язык. А это не простое дело, для пришедших же к вере на склоне жизни — чаще всего просто непосильное» (с. 7–8).

Изучить церковнославянский язык действительно дело нелегкое. Даже изучение русского языка, коему в школе посвящается немало лет, представляет для учащихся серьезные трудности, при этом далеко не каждый выпускник может похвалиться хорошим его знанием. Но одно дело язык

изучать, а другое — понимать. Хотя изучение русского языка — дело трудное, тем не менее это не значит, что некий безграмотный двоечник русского языка не понимает. Так и церковнославянский язык. Он труден для изучения, однако понимать церковнославянскую речь может каждый, даже пришедший в Церковь на склоне жизни. Ведь церковнославянский язык для русского человека-славянина — это наш родной язык. Чтобы убедиться в этом, достаточно взять Четью Минею на славянском языке и предложить для чтения человеку, впервые пришедшему в Церковь, предварительно объяснив ему произношение нескольких букв. Конечно, чтение в первый раз будет не настолько быстрое, нежели при чтении русского текста, но то, что читающий будет иметь полное понимание прочитанного, — несомненно. При этом следует учесть, что для человека, пришедшего в Церковь, церковнославянский язык становится языком молитвы, то есть тем языком, которым человек пользуется не время от времени, а постоянно (1 Фес. 5,17). Ежедневное прочтение утренних и вечерних молитв, молитвенное обращение к Богу на славянском языке в течение дня закономерно приводит к тому, что славянский язык для верующего человека становится вторым родным языком, очень дорогим для него, поскольку на этом языке он разговаривает с Богом. Неудивительно, что у простых сердцем православных христиан причитания модернистов, подобных оо. Балашову, Кочеткову, Борисову и проч., о непонятности церковнославянского языка вызывают, мягко говоря, удивление.

В то же время следует согласиться с тем, что не все богослужебные тексты одинаково понятны молящимся, особенно новоначальным. Но это непонимание происходит не потому, что богослужение совершается на церковнославянском языке, а потому что богослужебные тексты — это духовная поэзия, стилистические образы которой источником своим имеют ветхозаветную и новозаветную историю, историю Церкви, догматическое и нравственное учение Церкви. Без этих знаний богослужебные тексты, даже переведенные на русский язык, будут также непонятны. К примеру, сможет ли понять неофит весь духовный смысл, заложенный преп. Андреем Критским в тропарях покаянного канона:

Раздрах ныне одежду мою первую, юже ми изтка Зиждитель из начала, и оттуду лежу наг.

Облекохся в раздранную ризу, юже изтка ми змий советом, и стыждуся.

Возрев на садовную красоту, и прельстився умом: и оттуду лежу наг, и срамляюся.

На горе спасайся, душе, якоже Лот оный, и в Сигор угонзай.

Очевидно, что весь духовный смысл этих и других тропарей Великого покаянного канона преп. Андрея Критского будет недоступен неофиту, но не потому, что эти тропари читаются в храме на церковнославянском языке, а потому, что для понимания поэтических образов канона необходимо знание учения Церкви, библейской и новозаветной истории. И не только знание, но еще и чистота сердечная. Без всего этого глубокий духовный смысл тропарей этого удивительного канона, как, впрочем, и других богослужебных текстов, будет сокрыт от молящегося, независимо от того, на каком языке будет слушать он богослужебные тексты: на церковнославянском или русском.

Как же сделать богослужение более доступным? Очевидно, нужно проводить катехизацию приходящих в Церковь людей. И здесь следует упомянуть о древнейшем опыте нашей Церкви в деле такой катехизации, к сожалению, ныне повсеместно утраченном.

Так на вечерне, утрени, часах Великого поста и некоторых других богослужениях Типикон предписывает так называемые назидательные чтения. По уставу они должны прочитываться: на вечерне — после благословения хлебов во время их раздачи; на утрени — 1) после первой рядовой кафизмы, 2) после второй рядовой кафизмы, 3) после полиелейных псалмов, 4) после 3-й песни канона, 5) после 6-й песни канона. Что именно необходимо читать, часто указывается в последовании того или другого дня, хотя имеются в Типиконе и общие указания. К примеру, от Пасхи до Пятидесятницы читаются толкования св. Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна, а от Пятидесятницы до недели по Воздвижению — толкования того же святого отца на Евангелие от Матфея. В приходских храмах было бы хорошо возродить хотя бы одно из предписываемых Типиконом чтений св. отцов (например, только после 6-й песни канона).

И если модернисты в самом деле печалются о непонятности богослужения для неофитов и предлагают читать литургийное Евангелие на русском языке, то не разумнее ли было бы им на

утрене прочитывать толкование св. Иоанна Златоуста на текст Евангелия, которое будет читаться на Литургии?

Все разговоры о непонятности и недоступности богослужения на славянском языке не более чем шумовая завеса, которой современные обновленцы пытаются скрыть свои подлинные цели. Вот что сказал на т. н. «II Преображенском Соборе» в Москве известный обновленец свящ. Георгий Кочетков: «Для полных членов Церкви..... богослужение остается во многом недоступным. Дело здесь не только в малопонятном богослужебном языке..... К нашему времени богослужение сложилось таким образом, что если его и перевести на русский язык, даже не на разговорный, а высокий, оно все равно останется непонятным и, главное, почти бездейственным»².

Здесь, в докладе, прочитанном перед своими последователями, о. Георгий озвучил то, о чем другие обновленцы предпочитают помолчать. Модернисты нападают на православное богослужение вовсе не из-за церковнославянского языка и его мнимой непонятности; они нападают на него из-за его православного содержания. Дело в том, что наряду с определениями Вселенских и Поместных Соборов, творениями Отцов и Учителей Церкви, догматическими постановлениями богослужебные тексты являются догматическим источником нашей православной веры и неотъемлемой частью Священного Предания Православной Церкви. В богослужебных текстах Церковь исповедует свою веру, веру православную. Но как вместе со всей Церковью исповедовать правую веру в церковных песнопениях еретика, тому же о. Кочеткову, который хулит Христа и Божию Матерь, кощунственно утверждая, что Христос родился от благочестивого супружества праведного Иосифа Обручника и Девы Марии? Кроме того, поскольку наше богослужение сложилось православными, а не еретиками, то в нем, естественно, православные Отцы Церкви воспеваются, а еретики, напротив, хулятся. Каково слушать проклятия Церкви в адрес еретиков обновленцам и экуменистам-модернистам? Ведь «православные» экуменисты уже обнаружили «православие» у многих ересиархов древности, осужденных Вселенскими Соборами. В богослужебных же текстах эти ересиархи осуждаются и проклинаются вместе со своими нечестивыми сочинениями. Поэтому наши экуменисты-модернисты не могут не возмущаться богослужебными текстами, звучащими в храмах, не могут не требовать их ревизии и изменения. Очевидно, что все их разглагольствования о непонятности богослужебного языка используются ими в качестве троянского коня, при помощи которого они собираются разрушить православный характер богослужения Церкви. Славянский язык нашего богослужения, его сложность — только удобный повод для модернистов к пересмотру православного вероучения. Подлинная причина их недовольства заключается в том, что православное богослужение приобщает молящихся, в том числе и впервые пришедших в храм, к Православию, внушает гнушаться еретиками и их нечестивыми сочинениями, воспитывает стояние за Веру даже до крови. И эту свою функцию наше богослужение прекрасно исполняет, именно потому, что оно понятно молящимся, как признал это однажды в сердцах некий протоиерей Гаккель (см.: Благодатный Огонь, № 6, с. 93).

«Мне представляется, — писал епископ Енисейский Евфимий (Счастнев), — что всякие резкие изменения с церковной обрядностью не только не послужат пользе Православной Церкви, но, скорее всего, послужат поводом для простого народа к совращению в ереси и расколы»³. Это понимают и враги Православия. Совсем не случайно «стремление к обновлению к богослужебной жизни», по выражению прот. Балашова, а точнее, к разрушению богослужебной жизни, находит заинтересованность и поддержку у некоторых организованных структур. Так о. Балашов пишет, что «завершение и публикация настоящей работы (его апологии обновленчества. — П. А.) были бы невозможны без поддержки Фонда «Христианская Россия», сотрудникам которого автор выражает особую благодарность» (с. 13). Прот. Балашов «забыл» сообщить своему читателю, что фонд «Христианская Россия» — фонд католический и возглавляет его католический священник о. Романо Скальфи, тот самый который причащал в Мирожском монастыре иконописца о. Зинона. Хороший, однако, спонсор нашелся у о. Балашова для издания его труда!

Конечно, понятно увлечение многих священников и даже епископов Русской Церкви реформаторскими идеями накануне революционных событий. Многие из таких увлеченных реформаторской фразеологией после применения модернистских идей на практике навсегда расстались с ложными мечтаниями. Имея в истории Церкви печальный пример применения реформаторских идей в обновленчестве, недавний поучительный опыт последствия реформ в католической церкви после II Ватиканского собора, оттолкнувших от католических храмов многие тысячи прихожан, призывать к церковным реформам в Русской Церкви ныне — это уже не простительное заблуждение, а сознательное стремление к разрушению Церкви.

Прот. Балашов в оправдание обновленческой практики русскоязычного богослужения пишет: «...Следует признать, что когда впоследствии (начиная с 70-х годов) некоторые архипастыри (тут уважаемый протоиерей имеет в виду известного экумениста-обновленца митр. Никодима (Ротова). — П. А.) благословляли богослужбное чтение Священного Писания и части литургических текстов в русском переводе, они имели для этого достаточные церковно-канонические основания» (с. 167). Под «достаточными церковно-каноническими основаниями» о. Балашов имеет в виду разрешение совершать богослужение на русском языке, данное заместителем Патриаршего местоблюстителя митрополитом Сергием (Страгородским) в 1930 году протоиерею В. Адаменко, разрешение частного характера, касающееся только прот. Адаменко, только что вернувшегося из многолетнего обновленческого раскола. Но это решение отнюдь не является «достаточным церковно-каноническим основанием».

Очевидно, что у о. Балашова есть серьезные пробелы в церковно-каноническом образовании. Дело в том, что еще в 1925 году местоблюститель Патриаршего Престола священномученик Петр Полянский издал распоряжение всем верным чадам Русской Православной Церкви, которое Священноначалие нашей Церкви ни в прошлом, ни в настоящем не отменяло и отменять не собирается, и в котором сказано, в частности, следующее:

«С некоторого времени во многих храмах гор. Москвы и Московской епархии замечается введение различных, часто смущающих совесть верующих новшеств при совершении богослужения и отступление от церковного Устава вообще. Как на пример этого можно указать:

- 1) Совершение литургии при открытых царских вратах с устройством торжественной встречи и облачениями среди храма.
- 2) Опускание молений об оглашенных на литургии.
- 3) Чтение Евангелия лицом к народу.
- 4) Употребление неположенных обращений к молящимся перед чтением Евангелия («Христос с нами» и др.).
- 5) Совершение всенощного бдения среди храма, нередко с кафедры.
- 6) Совершение всенощной под 13 сентября по пасхальному чину.
- 7) Совершение литургии Иоанна Златоуста Великим Постом в дни, не положенные по Уставу.
- 8) Совершение утрени Вел. Пятницы (Страсти Господни) в посты Успенский и др.
- 9) Совершение пассий не по Уставу и в необычное время.
- 10) Запоздалое совершение так называемого чина погребения Богоматери (позднее 16 августа).
- 11) Совершение вечерни в Великую Пятницу не в установленное Уставом время (не в 3 часа пополудни, а позднее).
- 12) Совершение всенощной под Вел. Субботу с обнесением плащаницы вокруг храма.
- 13) Введение в богослужбную практику русского языка.
- 14) Употребление произвольных возгласов и молитв.
- 15) Произвольное сокращение и изменение богослужбного последования в ущерб молитвенному и праздничному содержанию (выпуск части стихир, канонов, антифонов, в которых картинно и живо изображается Царство Божие, богоугодная жизнь святых, высокая и неизменная радость о Господе даже среди скорбей, — в результате чего остаются только обломки церковного последования). И т. п.

Я решительно заявляю о недопустимости этих и подобных явлений в церковно-богослужебной практике... и предупреждаю, что упорствующие новаторы будут подвергнуты мною взысканиям.

Патриарший местоблюститель митрополит Петр.

14 сентября 1925»4.

Этим распоряжением должен руководствоваться всякий клирик Русской Православной Церкви в своей богослужебной практике, и протоиерею Н. Балашову давно уже пора сойти с пути литургического разрушения и стать на путь правый, путь бережного хранения Предания Церкви.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. История церковнославянского языка в России. Конец XIX—XX в. М., 2001. С. 62
2. Православная община. 1992. № 3. С. 31.
3. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. Т. 3. СПб., 1906. С. 445.
4. Кравецкий А.Г., Плетнева А.А. Указ. соч. С. 318—319.